

тель, но не государственный человѣкъ. Превосходство ума его основано на безпорочности характера. Политическій кругозоръ его, однако, слишкомъ узокъ и уму его, грубому вообще, часто недостаетъ необходимой въ ту или другую минуту гибкости и податливости. Алтарь грацій рѣдко бываетъ его алтаремъ. Онъ мстятъ ему тѣмъ, что оставляютъ его при убѣжденіи, что рѣчи его, какъ бы онѣ ни были длинны, никогда не могутъ вызвать скуки. Онъ—превосходный ораторъ и діалектикъ, ему ничего не стоитъ въ нѣсколько минутъ разбить въ пухъ и прахъ всѣ доводы противника, но онъ къ сожалѣнію лучше говорить, чѣмъ слушаетъ, и отъ излишняго усердія часто не даетъ себѣ времени понять какъ слѣдуетъ своего противника. Въ Ласкерѣ бездна наивности. Это всего яснѣе замѣтно въ сочиненіи его „Исповѣдь человѣческой души“, изданной нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ауэрбахомъ, безъ подписи автора. Въ настоящее время изданіе это составляетъ библиографическую рѣдкость, такъ какъ оно было изъято Ласкеромъ изъ обращенія, какъ только онъ замѣтилъ, что узнали имя автора. Содержаніе книги — его признанія о невинныхъ любовныхъ похожденіяхъ, нанизанныя какъ бисеръ на нитку этой исповѣди въ хронологическомъ порядкѣ. Любовныя похожденія, пожалуй, слишкомъ сильное для нихъ названіе; это скорѣй рядъ случаевъ, гдѣ онъ влюбляется то въ ту, то въ другую особу, такъ какъ бѣдный Ласкеръ довольно несчастливъ въ любви, — и ему пришлось съѣсть уже не одинъ грибокъ въ своей жизни, въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ. *Commes les hommes d'esprit sont bêtes.* Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что Ласкеръ могъ хотя бы минуту только надѣяться, что его не узнаютъ въ этой книгѣ? Можно ли было предположить, дѣйствительно, чтобы во всемъ Берлинѣ не нашлось и пяти лицъ, достаточно знакомыхъ съ его частной жизнью, чтобы тотчасъ догадаться, въ чемъ дѣло? Въ наивности своей онъ сдѣлалъ все, чтобы остаться неузнаннымъ. Стиль его столь же абстрактенъ, какъ и стиль Гёте въ старости; онъ никогда не называетъ именъ, даже городовъ и садовъ; описывая Лондонъ, онъ говоритъ: „я прибылъ въ чужой городъ“, говоря о Тиргартенѣ, онъ пишетъ „мы шли подъ тѣнью деревъ“. Читатель никогда не знаетъ мѣста дѣйствія. Лишь съ трудомъ можно догадаться, что изгнанникъ, котораго посѣтилъ Ласкеръ въ своей молодости, былъ никто иной, какъ извѣстный Готфридъ Кинкель, бѣжавшій когда-то изъ рабочаго дома въ Берлинѣ, въ настоящее время профессоръ въ Цюрихѣ. Изъ книги видно, что въ молодости своей Ласкеръ былъ женихомъ дочери этого знаменитаго борца за свободу и что смерть молодой дѣвушки была